

Ю. В. Садов (Санкт-Петербург)

К ВОПРОСУ ОБ ОТСТАВКЕ ГЕНЕРАЛА А. П. ЕРМОЛОВА

Генерал Алексей Петрович Ермолов (1777–1861) – герой Отечественной войны 1812 г. и заграничных походов, главнокомандующий Кавказским корпусом и правитель Грузии с 1816 по 1827 г. – незаурядный человек удивительной судьбы и талантов, историческая биография которого оставила исследователям множество дискуссионных вопросов. Один из них – вопрос о причинах его отставки с должности главнокомандующего Кавказским корпусом и правителя Грузии в 1827 г. Сам Ермолов не пожелал оставить каких-либо объяснений на этот счет.

К настоящему времени в исследовательской литературе существует несколько версий, наиболее распространенная из которых (она же «официальная») – неудача в начале войны с персами. Остальные можно свести к следующим обоснованиям причин отставки:

- близость Ермолова к декабристам (версия М. В. Нечкиной);
- отсутствие Ермолова на коронации Николая I (версия С. Н. Бейтуганова);
- заговор «немецкой партии» (версия Н. К. Шильдера);
- конфликт Ермолова с Николаем I как по личным мотивам, так и по вышеуказанным причинам (версия Н. Я. Эйдельмана).

Однако до конца не ясной остается пошаговая, регламентированная существовавшими законами, мотивированная личным участием видных исторических лиц той эпохи «процедура» отставки Проконсула Кавказа. Другими словами, до сих пор не изучен «легитимизированный» временем и обстоятельствами механизм отставки генерала.

Начинать, как кажется, следует с официальных документов, несмотря на то, что они, на первый взгляд, никаких объяснений

не дают. Однако при внимательном рассмотрении ряда из них обнаруживается несколько странностей.

Первый документ, который обращает на себя внимание, от 11 августа 1826 г. – *разрешение Николая I* (выделено мной – Ю. С.) «<...>на случай болезни Ермолова, вверить начальство Кавказским корпусом генерал-адъютанту Паскевичу¹. Причины возникновения этого документа рассмотрим чуть ниже.

Следующий документ датирован 3 марта 1827 г., в нем главнокомандующий кавказским корпусом генерал-лейтенант Ермолов просит Николая I об увольнении². В этой просьбе об отставке имеется некая необычность. Это было личное письмо на имя государя, а не рапорт, обычный в случаях любых прошений военачальников к вышестоящим лицам. Иными словами, главнокомандующий Кавказским корпусом официальное прошение об отставке облекает в неофициальную форму. Как следствие, 28 марта 1827 г. император Николай I, известный своей педантичностью в отношении всяких канцелярских процедур, подписывает указ об освобождении Ермолова от занимаемой должности³.

Здесь возникает еще одна странность, на которую до сих пор не обратили внимание. Указ датирован 28 марта 1827 г., а уже на следующий день, 29 марта, «генерал-адъютант Дибич сообщает А. П. Ермолову Высочайшее повеление о замене его Паскевичем⁴. Таким образом, Высочайший указ на следующий же день после подписания оказывается на Кавказе.

Наконец, последний официальный документ, от 25 ноября 1827 г., интересен своей формулировкой: «Увольняется от службы состоящий по армии генерал от инfanterии Ермолов I-ый по домашним обстоятельствам <...>»⁵.

Ил. 1. Портрет А. П. Ермолова.
Художник Дж. Дю. 1821–1825 гг.
Государственный Эрмитаж

Обтекаемые формы причин отставки в этих документах, еще при жизни Ермолова, дали пищу для слухов и всевозможных версий. А разрешение от 11 августа 1826 г. «на случай болезни» и в настоящее время вызывает обоснованное недоверие к этому документу. Версия о болезни Ермолова была отброшена еще Денисом Васильевичем Давыдовым, двоюродным братом генерала Ермолова, и в последующих исследованиях не рассматривалась. Однако попытаемся разобраться с болезнью Ермолова, якобы возможной причиной его замены Паскевичем еще в 1826 г.

В воспоминаниях людей, хорошо знавших Ермолова, осталось много фактов, свидетельствующих о его прекрасном здоровье на протяжении всей жизни. Так, Д. В. Давыдов писал, что Ермолов «одарен необыкновенной силой и крепким здоровьем»⁶. А. С. Пушкин, посетивший Ермолова в опале, нашел его в полном здравии и силе⁷. Н. В. Берг, не однажды бывавший в гостях у Ермолова в 1859 г., в своих воспоминаниях писал: «Спросил <Ермолова>, правда ли, что у Н. Муравьева в повести «Амалат-Бек» Ермолов рассекал одним ударом шею быка? Нет, не правда – ответил он. Правда, хвалился, что был ужасно силен. Я и теперь силен и крепок. Захворал как-то в 1855 году. Врач прописал мицтуру. Не берет. Врач говорит, что у вас допотопная натура, вы мастодонт!»⁸ М. Погодин отмечал весьма любопытное свойство ермоловского организма – притупленное чувство обоняния. Он мог есть тухлую говядину без ущерба для здоровья⁹. До самой смерти генерал практически ничем не болел, неожиданно для всех занемог в марте и скончался 12 апреля 1861 г.

Сам Ермолов в письмах до 1826 г. почти никогда не жаловался на здоровье. Например, в письме с Кавказа от 4 января 1817 г. он замечает: «Я здоров. Здешний климат мне впрок»¹⁰. В другом письме, от 5 марта 1820 г., пишет: «Девять месяцев в году веду я кочевую жизнь; образ жизни строгий и неприхотливый, делающий меня чрезвычайно подвижным»¹¹.

Однако, начиная с 1826 г., в личных письмах к друзьям обнаруживаются жалобы на здоровье. Так, в письме А. А. Закревскому от 1826 г. Ермолов прямо жалуется на пошатнувшееся здоровье: «Десятилетие здесь пребывания и мой век сократило. Меня уже начинают посещать болезни, с которыми не бывал знаком прежде. Два года уже смотрю в очки, и силы, прежде неистощимые, ощутительно изменяют»¹². На фоне общего мнения о богатырском здоровье Ермолова в эти годы, сам он вдруг начинает

говорить об обратном. Это тем более странно, что до этого времени генерал практически ничем не болел и после отставки без особых болезней прожил 35 лет, никогда и никому не жалуясь на самочувствие.

Создается впечатление, что в период в 1826–1827 гг. Ермолов подобными письмами нарочно создавал о себе мнение как о человеке с пошатнувшимся здоровьем. Зачем? Возможно, он отчетливо осознавал неизбежность своей скорой отставки, и естественные причины, связанные с болезнями, устраивали его более других. Видимо, устраивала подобная причина и Николая I: это был верный бесконфликтный повод отправить в отставку популярного в обществе военачальника. Поэтому, возможно, и появляется то самое разрешение Николая на случай болезни Ермолова вверить начальство Кавказским корпусом генерал-адъютанту Паскевичу¹³.

В этом документе обращает на себя внимание дата – 11 августа 1826 г. Если проследить течение Русско-персидской войны до и после этой даты, возникает справедливое предположение, что этот документ возник неслучайно. Неудачи с начала войны подталкивали генерала Ермолова к отставке. Возможно, чтобы не потерять лицо, Ермолов сам распространяет слухи о якобы настигшей его болезни. Любая серьезная военная неудача, например, поражение при Шамхоре, неизбежно повлечет за собой отставку, но в случае «объявленной» болезни Ермолов отстраняется не как проигравший военачальник, а как заболевший и по этой причине не способный далее исполнять свою службу царский чиновник. Николай I принимает версию о «мнимом больном», заранее подготавливая соответствующие документы и возможную замену Ермолову в лице не менее прославленного полководца, своего любимца, графа И. Ф. Паскевича. Причем, как видно из

Ил. 2. Портрет А. П. Ермолова.

Художник П. Захаров-Чеченец.

Около 1843 г. ГРМ

источников, государь ждет скорого разрешения вопроса независимо от ситуации на войне.

Однако Ермолов не спешит подавать прошение. В сентябре 1826 г. сначала Р. Г. Мадатов при Шамхоре разбивает персов, после чего Паскевич наносит поражение неприятелю при Елизаветполе. Ермолов как-то сразу перестает жаловаться на болезни и остается во главе Отдельного Кавказского корпуса.

Еще одним возможным доказательством того, что Ермолов искусственно распространял слухи о своем пошатнувшемся здоровье, являются письма генерала своему старому другу А. В. Казадаеву в период с 1823 по 1827 г. Мы обращаем внимание на то, что в письмах от «июня 1823 г., Тифлис», от «июля 1823 г., Тифлис», от «20 января 1825 г., Тифлис», «12 июля 1825 г., Кавказская линия» А. П. Ермолов пишет, что здоров, полон сил и энергии. И далее, в письме от 30 марта 1827 г., т. е. сразу после отставки, также отмечает, что отменно здоров¹⁴.

Таким образом, объявленная самим генералом болезнь по времени совпадает с критическим для него временем: вторая половина 1826 г. – март 1827 г. При этом ни диагноза болезни, ни описания ее не сохранилось. В воспоминаниях близких Ермолову людей о болезни Алексея Петровича в это время сведений также неходим.

Однако процесс отставки уже запущен. Не дождавшись прошения Ермолова об освобождении его от должности «по болезни», Николай запускает иной план устраниния Ермолова с высокой должности. В отличие от Александра I, император Николай I отнюдь не жаловал Ермолова: близкие отношения генерала с декабристами, его задержка с присягой новому государю, отсутствие Ермолова на коронации Николая в Москве и явная неудача в начале войны с Персией – все эти и иные обстоятельства, возможно, только укрепляли Николая в убеждении сместить неугодного ему генерала.

Несмотря на отсутствие прямых доказательств причастности Ермолова к секретным обществам, Николай считал, что генерал разделял, а возможно, и разделяет идеи декабризма. Император российский откровенно опасался «проконсула Кавказа», поскольку знал о популярности Ермолова в обществе и армии. Он знал о преданности Кавказского корпуса своему командующему. Поэтому мог вполне допустить, что в случае принуждения Ермолова к отставке тот попросту мог

не подчиниться, отложиться вместе с Грузией или двинуть корпус на столицу.

В любом случае необходимо было каким-либо способом принудить Ермолова к самоинициированной отставке.

Как известно, И. Ф. Паскевич прибыл на Кавказ после появления информации о болезни Ермолова, распространенной, как указывалось, самим «проконсулом». Паскевич, вовремя прибывший на Кавказ и проведший несколько весьма успешных боев, прекрасно вписывался в его преемники. Однако вдруг переставшие поступать сведения о болезни Ермолова и явные удачи в военных действиях лишают императора заранее запланированных мотивов, которые бы «объективно» привели к отставке командующего Кавказским корпусом. Потому Николаем I был разработан иной план, который был реализован к весне 1827 г.

С конца 1826 г. на высочайшее имя поступают постоянные доклады Паскевича «о самоуправстве Ермолова», «о воровстве в войсках необычайном», «о распусчении и недисциплинированности войск».

Паскевич включился в активную переписку с императором. Он нашел недовольных Ермоловым людей, таких как Карганов, которого Денис Давыдов называл «Ванькой Каиным», и посыпал их «подлые доносы» в Петербург¹⁵. Н. Я. Эйдельман в своей работе «Быть может за хребтом Кавказа» приводит факты того, что даже А. С. Грибоедов был вовлечен в очернение Ермолова и, возможно, писал доносы за безграмотного Паскевича¹⁶.

Итак, Паскевич регулярно посыпал в Петербург письма с упреками в адрес Ермолова, причем диапазон «ошибок» главнокомандующего был угрожающе широк. Обвинения были следующие: войска не обучены строевым приемам, небоеспособны,

Ил. 3. Портрет Николая Первого.
Художник В. Голике. 1843 г. ГРМ

дисциплина низкая, воевать в горных условиях не умеют; обмундирование, денежное довольствие не выдается по несколько месяцев; солдаты одеты не по уставу; плохое состояние лошадей, конской амуниции, обозов; положение с управлением корпусом в целом – весьма плачевное¹⁷.

Также Паскевич обвинял Ермолова в неправильной политике на Кавказе. Так, обнаруживалась немалая вина Ермолова в жестокой политике по отношению к местному населению. Он, якобы, хана Шекинского отравил, а другие ханы переметнулись к персам, «опасаясь для себя подобной участии»¹⁸. Есть и совсем нелепые обвинения в том, что именно Ермолов затеял войну с Персией¹⁹.

Об окружении Ермолова Паскевич писал следующее: «Более всех лживее и обманчивее его <Ермолова> генерал-лейтенант князь Мадатов. Генерал-майор Вельяминов его поддерживает. Они все друг друга поддерживают, и ничего нет труднее, как узнати истину»²⁰.

Вопрос об объективности обвинений Паскевича в адрес Ермолова до сих пор открыт. Имеются ли основания не доверять мнению талантливого военачальника, доказавшего свое боевое мастерство и талант во многих войнах, каким был Иван Федорович Паскевич? При изучении воспоминаний участников событий войны с Персией обнаруживаются факты того, что большая часть сведений Паскевича действительно весьма претенциозна и далека от реальности. Так, уже при Паскевиче войска из Персии «...возвращались в дырах и заплатах, не только солдаты, но и офицеры...»²¹. Участник той войны В. А. Андреев об этом так писал: «Кавказскому корпусу на роду было написано в то времяходить в лохмотьях – купить было негде, а одежда на работах и в походах решительно горела на людях»²². О состоянии амуниции и обозов и говорить не приходилось. Далее Андреев вспоминает: «Кавказские солдаты, как при Ермолове, так и при Паскевиче, были только мастера на марши, но не маршировку, и строевая выучка при Паскевиче нисколько не продвинулась, да и негде было учиться в постоянных походах. На парадах мы проходили мимо Паскевича колоннами, шагом и строем, как в ермоловские времена, и получали искреннюю благодарность»²³. Выходит, что позвалено Паскевичу, непозволительно Ермолову. Еще одно замечание Андреева достаточно интересное. «Со взятия Еревани и перехода за Аракс, Паскевич из брюзгливого мелочно-взыскательного

начальника превратился в доброго, заботливого; он уже не говорил солдатам, что они дурны»²⁴.

Одним из веских обвинений в адрес Ермолова было то, что солдаты и офицеры одеты не по уставу. В николаевскую эпоху это обвинение было более чем серьезным. Николай I был очень щепетилен по отношению к армейской форме. Даже в театральных постановках насмешек над военным мундиром не терпел²⁵. Малейшее нарушение формы не ускользало от строгого взора императора. В связи с этим кажется любопытным рассказ «одного ветерана», опубликованный в «Русском Архиве». Гвардейский офицер прибыл в 1826 г. на Кавказ и ужаснулся

ся внешним видом солдат. После его возвращения в Петербург с его слов в столице была отпечатана карикатура на кавказского солдата – в мундире нараспашку, в шароварах, запрятанных в сапоги, в черкесской шапке и т. д. Каково же было удивление этого рассказчика, когда через 25 лет после этого события в Академии художеств увидел он современную акварель: «Почти снимок с пресловутой карикатуры, но уже в положительном смысле: изображен солдат в мундире нараспашку, в знакомых шароварах, заправленных в сапоги. Черкесскую папаху повесил на штык, и с открытой головой прохладится под палящими лучами солнца. Можете представить мое удивление!»²⁶

Ил. 4. Портрет И. Ф. Паскевича.

Художник Ф. Крюгер. 1834 г.

Государственный Эрмитаж

В. А. Потто считает, что Николай «был смущен доносами Паскевича», и чтобы уяснить истинную картину положения на Кавказе и прекратить открытую расплюю, послал «для разбирательства» И. И. Дибича. Ермолов был рад прибытию третьего лица. «Милостливый государь, барон Иван Иванович! – писал он Дибичу. – В коротких словах дам себя выразуметь; рад душевно, что вы едете сюда, и знаю сколько облегчены будут мои действия. Имею честь быть и проч. Алексей Ермолов»²⁷.

Но истинная причина появления Дибича не «в смущении Николая», и уж тем более не в разрешении конфликта между Ермоловым и Паскевичем. Дибич являлся составной частью плана устраниния «проконсула Кавказа», но более тонкими методами. Генерал Дибич в этой ситуации должен был сыграть роль лояльного Ермолову лица, но при этом обнаружившего действительно серьезные, обоснованные недостатки, которые вынудят Ермолова подать прошение об отставке.

Дибич знал о своей миссии и о том, что Ермолова снимут. Основанием для этого утверждения является тот факт, что Дибич прибыл в Тифлис 20 февраля 1827 г., а 28 февраля в письме Николаю I представляет варианты замены Ермолова на Витгенштейна, Паскевича и даже себя²⁸. В этом же письме Дибич пишет о секретной инструкции. Судя по тексту письма, это и был план подготовки к удалению Ермолова. В связи с этим кажется любопытным факт, приведенный Н. В. Шимановским, который пишет о том, что Дибич, инспектируя Кавказ, заказал себе два выручных седла и амуницию, предназначенную для долгого проживания в этих местах. Шимановский предполагает, что Дибич готовился на место Ермолова. «Выгода колоссальная: персы будут разбиты однозначно, сразу же царские милости»²⁹.

Дибич действительно тонко действует по отношению к Ермолову. Так, он снимает подозрения Николая о связях Ермолова с декабристами в письме от 19 марта 1827 г.³⁰

Шильдер вообще считает, что Дибич попал под обаяние Ермолова. Николай этим обеспокоен и «предостерегает Дибича от чрезмерного увлечения»³¹. Шильдер считает, что «разбравшись по сути с ситуацией на Кавказе, Дибич к неудовольствию Николая стал склоняться на сторону Ермолова<...>». Император писал Дибичу следующее: «<...> если обстоятельства, после донесения от 28 февраля мною обнаруженные, не

переменили положение дел, то приступить немедленно, и не ожидая другого приказания к исполнению высшей воли, удалить генерала Ермолова (выделено – Ю. С.)»³².

Но Дибич искусно вел свою партию. Сняв ряд подозрений с Ермолова, которые действительно трудно доказать, он указывает государю на очевидные его ошибки и упущения в войне с Персией, нерешительность в управлении войсками, некомплекте корпуса. «Но я сохраняю убеждение мое, что известные В. В. значительные ошибки и упущения произошли от нерешительности, недостатка предприимчивости и принятого им образа управления делами»³³. В итоге он заявляет, что «от генерала Ермолова нельзя ожидать блестательных действий»³⁴.

Видимо, о приезде Дибича генерал Паскевич был предупрежден и забеспокоился. Николаю пришлось успокаивать последнего словами о том, чтобы тот «мог спокойно ожидать страшного суда»³⁵. Письмо это датируется 31 января. А 12 марта, приняв окончательное решение в пользу Паскевича, император просит Дибича внушить ему степень доверия, так как «он человек чести, он сумеет, я отвечаю за него, выполнить мои желания»³⁶.

«Но старый лев – генерал Ермолов, благодаря своей проницательности, ранее Дибича оценил истинное положение дел и, не желая продолжить агонию своей власти на Кавказе, 3 марта отправил прошение об отставке»³⁷.

Мы еще раз обращаем внимание на то, что неофициальное прошение Ермолова отправлено 3 марта 1827 г., высочайший приказ об увольнении его датирован 28 марта, а вручен этот приказ И. И. Дибичем генералу Ермолову уже 29 марта.

Здесь можно задать вопрос. А не имел ли при себе И. И. Дибич уже готовый указ об отставке Ермолова? Как только Ермолов написал прошение об отставке, т. е. сделал то, чего от него так долго

Ил. 5. Портрет И. И. Дибича.
Художник Дж. Доу. 1821–1825 гг.
Государственный Эрмитаж

ждали, Дибич выдержал несколько дней и предъявил уже готовый указ императора на сей счет.

Если это было так, то наше предположение о плане Николая по смешению А. П. Ермолова по болезни и дальнейшей попытке вынудить «проконсула Кавказа» самому уйти с должности – вполне оправданно. Тогда и возмущения кавказского корпуса этим обстоятельством не будет. Именно поэтому никаких дополнительных воинских частей перед войной Николай не присылает, возможно, боясь укрепления корпуса Ермолова. Поэтому на Кавказ прибывает Паскевич. А на случай измены Ермолова уже готовый указ о смешении главнокомандующего находится у Дибича.

От Ермолова можно принять любое прошение, даже неофициальное, лишь бы об отставке. Возможно, оно до Николая в тот момент и не дошло. Дибич, имея секретные инструкции, выполнил их точно и быстро. Даже слишком быстро, не подождав еще неделю – другую. Поэтому и указ состоялся якобы 28 марта, а вручен Ермолову уже на следующий день.

Таким образом, становится понятным, что помешало Николаю сместить Ермолова во время неудачного начала войны и позволило сместить «проконсула Кавказа» в ее конце. Также выясняется первоначальная роль Паскевича – сменщика Ермолова на случай его болезни и роль Дибича – доверенного лица императора с уже готовым и находящимся при нем указом об отставке.

Предполагал ли Ермолов свою скорую отставку? Да, предполагал. У него были все основания ожидать подобного развития событий. В архивах нами обнаружено немало документов, доказывающих правоту подобного мнения. Так, показательны его слова в письме Закревскому от 25 февраля 1826 г.: «Думают <в столице>, что я не употребляю меры, которые надобны, хотят евангельской кротости. Жду мудреца на мое место»³⁸.

Ермолов в любом случае, чуть ранее или чуть позднее, был бы смешен с поста «правителя Кавказа». Генерал – человек иной эпохи, эпохи Александра I, и, конечно, уже не вписывался в планы нового правления. Сам Николай I о Ермолове откровенно говорил, что не верит ему. П. И. Ковалевский очень точно подметил: «Ермолов одной ногой еще касался века Екатерины; другой он твердо упирался в эпоху Александра. В царствование Николая I он был памятником прошедшего, каким-то *memento mori* тщеты людской»³⁹.

И последнее. Стоит отметить, что план по очернению Ермолова сработал. Материалы показывают, что не только Паскевич писал негативные донесения на правителя Кавказа. Одновременно шли жалобы и неудовольствия со стороны Министерства иностранных дел во главе с Нессельроде, начальника главного штаба П. В. Волконского, экзарха грузинского Фиофилакта. Возможно, кто-то из них не знал о планомерной травле Ермолова, но «масло в огонь подлил» вовремя.

В доказательство этой мысли мы приводим письмо Д. В. Давыдова А. А. Закревскому от 5 января 1827 г.: «Я приехал в Грузию в полном уверении, что там все вверх дном; в том меня уверяла суматоха и хлопоты придворные. Меня здесь <в Санкт-Петербурге> большие люди уверили, что не токмо опасности вся Грузия, что и проезд через горы весьма опасен, ибо и они поднялись на Россию, вследствие жестокости Алексея Петровича, что вся та страна против него и что он ненавидим. Но каково было удивление мое, когда коснулся до границы стран, его управлению вверенных! Я попал в другой мир! Я оставил тот, где ему поют анафему, и вступил туда, где только что не служат ему молебны!» И далее: «Это отец и покровитель всех от малого и до большого, от бедных до богатых!»⁴⁰

В подтверждение последних слов Давыдова, что корпус мог постоять за Ермолова, а при случае и пойти на Москву, стоит привести воспоминания Н. Н. Муравьева о реакции кавказского корпуса на известие об отставке А. П. Ермолова: «<...> солдаты роптали, а офицеры толпами ездили прощаются к Ермолову и тем показывали ему преданность свою <... >»⁴¹.

Но, перефразируя слова Н. Я. Эйдельмана, можно сказать, что Ермолову было невероятно сложно держать оборону против персов с одной стороны, против Паскевича, Дибича, Волконского, Нессельроде (мы добавим – и Николая), с другой стороны. Вовремя поняв, что он всем неугоден, ясно осознав, что дни его на посту правителя Грузии и Кавказа сочтены, Ермолов пишет прошение об отставке.

¹ Ермолов А. П. Записки. Т. II. М., 1865–1868. С. 218.

² Ермолов А. С. А. П. Ермолов. 1777–1861. Биографический очерк. СПб., 1912. С. 108.

³ Там же. С. 109.

⁴ Там же.

- ⁵ Там же.
- ⁶ Погодин М. П. А. П. Ермолов. Материалы для биографии. М., 1864. С. 5.
- ⁷ Там же. С. 392.
- ⁸ Берг Н. В. Моя встреча с А. П. Ермоловым // Русский Архив. 1872. Кн. I. Часть V. С. 989.
- ⁹ Погодин М. П. А. П. Ермолов. Материалы для биографии. М.: 1864. С. 448.
- ¹⁰ Ермолов А. П. Письма к Закревскому А. А. // Сборник РИО. СПб., 1890. Т. 73. С. 200.
- ¹¹ Ермолов А. П. Письма. Махачкала, 1926.
- ¹² Ермолов А. П. Письма к Закревскому А. А. // Сборник РИО. СПб., 1890. Т. 73. С. 443.
- ¹³ Ермолов А. П. Записки. Т. II. М., 1865–1868. С. 218.
- ¹⁴ Российская национальная библиотека (РНБ). Ф. №325.
- ¹⁵ Эйдельман Н. Я. Быть может за хребтом Кавказа. М.: Наука, 1990. С. 84.
- ¹⁶ Там же.
- ¹⁷ Дубровин Н. Ф. История войны и владычества русских на Кавказе. Т. VI. СПб., 1888. С. 699–700.
- ¹⁸ Потто В. А. Кавказская война. Т. II. Ставрополь, 1994. С. 659.
- ¹⁹ Государственный исторический музей (ГИМ), Ф. № 155.
- ²⁰ Потто В. А. Кавказская война. Т. II. Ставрополь, 1994. С. 660.
- ²¹ Дубровин Н. Ф. История войны и владычества русских на Кавказе. Т. VI. СПб., 1888. С. 700.
- ²² Андреев В. А. Ермолов и Паскевич // Русский Архив. 1873. Кн. 2. Часть VIII. С. 1573.
- ²³ Там же. С. 1573.
- ²⁴ Там же. С. 1574.
- ²⁵ Выскочков Л. В. Николай I. М.: Молодая гвардия, 2003. С. 502.
- ²⁶ Андреев В. А. Ермолов и Паскевич // Русский Архив. 1873. Кн. 2. Часть VIII. С. 1574.
- ²⁷ Потто В. А. Кавказская война. Т. II. Ставрополь, 1994. С. 662.
- ²⁸ Бриони П. И. Ермолов, Дибич и Паскевич на Кавказе в 1826–1827 годах // Русская старина. Т. 6. 1872. С. 52–53.
- ²⁹ Государственный исторический музей (ГИМ), Ф. №155, 2.
- ³⁰ Бриони П. И. Указ. соч. С. 52–53.
- ³¹ Шильдер Н. К. Император Николай I. Т. II. СПб., 1903. С. 70.
- ³² Бриони П. И. Указ. соч. С. 266.
- ³³ Там же. С. 267.
- ³⁴ Потто В. А. Кавказская война. Т. II. Ставрополь, 1994. С. 662.
- ³⁵ Шильдер Н. К. Император Николай I. Т. II. СПб., 1903. С. 70.
- ³⁶ Там же.
- ³⁷ Там же.
- ³⁸ Ермолов А. П. Письма к Закревскому А. А. // Сборник РИО. СПб., 1890. Т. 73. С. 443.
- ³⁹ Ковалевский П. И. Восточные дела в 20-х годах // Вестник Европы, 1868. Т. III. С. 162.
- ⁴⁰ Ермолов А. С. А. П. Ермолов. 1777–1861. Биографический очерк. СПб., 1912. С. 106.
- ⁴¹ Эйдельман Н. Я. Быть может за хребтом Кавказа. М.: Наука, 1990. С. 82.